

АЛЕКСАНДР ПЕНЗЕНСКИЙ

УЛЫБКИ
уличных
ДЖОКОНД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П25

Художник — *Сергей Логинов*

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на форзаце — *Александр Пензенский*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Пензенский, Александр.

П25 Улыбки уличных Джоконд : [роман] / Александр
Пензенский. — Москва : Издательство АСТ, 2021. —
320 с. — (Мастера сыска).

ISBN 978-5-17-138658-0

Первое официально задокументированное дело российского серийного убийцы относится к началу XX века. В Петербурге была найдена мертвая девушка-проститутка, убитая особо изощренным способом. Судя по всему, убийство ритуальное, и следующая жертва тому подтверждение. Константин Маршал, помощник начальника столичного сыска, ищет преступника, но тот мастерски путает следы. А между тем убийца совсем рядом, и жизнь любимой женщины сыщика висит на волоске.

Роман основан на реальных событиях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Посвящается моему папе

*Основано на реальной истории первого официально
зарегистрированного российского серийного убийцы.
Некоторые персонажи и сюжетные линии вымышлены.*

ЧАСТЬ I

ПОГОНЯ ЗА ТЕНЬЮ

Глава I

НЕВСКАЯ УНДИНА

Константин Павлович Маршал, помощник начальника столичного сыска, безглаголиво морщился, прижимая к бледному лицу надушенный носовой платок. Надо сказать, что и его патрон, господин Филиппов, был лишен привычного румянца, и повод для того имелся более чем уважительный. За всю свою профессиональную карьеру, весьма богатую на разного рода душегубства, сталкиваться с подобным Владимиру Гавриловичу еще не доводилось. Единственный, кто пребывал в прекрасном настроении, — полицейский доктор Павел Евгеньевич Кушнир. Отчасти он-то и являлся причиной неестественной бледности и Маршала, и Филиппова. Точнее, его комментарии, коими сопровождался осмотр женского тела, выловленного утром из Невы напротив Валаамского подворья.

— Горло рассечено, на лице три резаные раны, рот располосован практически от уха до

уха. Посмотрите, Владимир Гаврилович, даже зубы видно.

Филиппов невольно бросил быстрый взгляд на лицо покойницы и тут же об этом пожалел — к горлу подкатил ком. С трудом сдержав в себе завтрак, он отвернулся, но страшная мертвая ухмылка отпечаталась на сетчатке, будто на фотографической пластине.

— Прямо иллюстрация к Виктору Гюго, — промычал сквозь платок Маршал.

— Долго она плавала, Павел Евгеньевич? — стараясь смотреть только в спину доктора, спросил Филиппов.

— Не думаю. Судя по всему, убили ее вчера не раньше часов пяти вечера. Точнее смогу сказать сегодня после обеда. Тут вот что примечательно: я насчитал у нее на теле и на лице двенадцать ран. И колотых только половина. То есть убийца, умертвив жертву несколькими первыми ударами, а то и вовсе всего одним, после глумился уже над мертвым телом. Да-с.

— Следы полового сношения?

— Владимир Гаврилович, побойтесь Бога. Такую информацию только после осмотра в кабинете, да-с.

Филиппов отошел к воде и осмотрелся. Место не бойкое, винные да пивные склады. Хотя, конечно, сбросить тело в реку могли где угодно выше по течению. Он раскрыл найденный у убитой «желтый» билет. «Настоящий заменительный билет выдан проститутке Блюментрост Анне Михайловне, 20 лет». С трудом перелистнул раз-

мокшие и слипшиеся страницы до врачебных отметок. Последнее посещение было три дня назад, 15 июня 1909 года.

Вернулся к месту осмотра. Рядом топтался под надзором околоточного дедок лет шестидесяти в помятом сером пиджачишке и клетчатом картузе, почти до самых глаз заросший нечесаной седой бородой — сторож с Калашниковского пивного склада, выходящего как раз к Неве. Это он, обходя в очередной раз с колотушкой на рассвете территорию, обнаружил прибитое к берегу тело. Старик давно уже с надеждой поглядывал на суровое полицейское начальство, ожидая, когда на него обратят внимание, потому чуть ли не вприсядку кинулся навстречу Филиппову, поймав его взгляд.

— Я что ж гутарю-то, господин хороший, это где ж видано-то, чтоб девок, хучь бы и гулящих, так кровянить-то, а? Ну прибил ты ее по дурости малеха, для разумения, ну со злобы пырнул ножиком-то раз, но где ж это видано-то, чтоб всю так разукрасить, а?

Прервав жестом эту неожиданную словоохотливость, Владимир Гаврилович спросил:

— Вас как прикажете величать-то?

— Так Филиппыч я! Парфен Филиппыч, сторож я складской.

— Вы, Парфен Филиппович, расскажите теперь мне еще раз, как вы нашли покойницу?

— Так дело-то не дюже антиресное. Я ж тут при складах обходчиком служу, стало быть, по часам и хожу округ забора, в колотушку стучу.

— Не страшно тут ночами-то?

— Да не шибко. Чего тут лихому люду делать-то? На складах у кажных ворот по будке со стражником, у тех левольверты. Я так вообще мыслю, что меня тут держут, чтоб я энтим будошникам дрыхнуть не давал, — заговорщицки подмигнул Филиппову сторож. — Так вот, шел, значит, по новому кругу...

— В котором часу?

— Да уж кочеты в лавре прокричали, стало быть, ночь-то уж минула. Я к реке-то спустился, умыться хотел, а то уж глаза не разлеплялись. А тут вона какая каракатица, — перекрестил он мелко живот, переведя взгляд на мертвую «желтобилетницу».

— Что ж она, мимо плыла?

— Зачем плыла? Аккурат юбкой об чевой-то на пристани зацепилась.

Филиппов махнул Маршалу, взял сторожа под руку, и они втроем спустились на дощатый настил «пристани» — небольшой площадки, у которой пришвартовывались при необходимости легкие суденышки Финляндского речного пароходства. Доски были нечистые, в маслянистых дегтярных пятнах и мучной пыли.

— Парфен Филиппович, вы барышню сами из воды вытащили?

— Знамо так. Я хучь и седобородый, да пока еще в силе, бабу-то могу поднять. Хотя, прямо скажем, тяжелехонька была, одежда-то намокла вся наскрозь.

— Здесь вы ее на причал опустили. — Филиппов ткнул пальцем в еще непросохшее пятно у самого края. — А потом, как я вижу, на руках отнесли наверх. Не волокли тело?

— Истинно так. — Сторож осенил очередным знамением сивый рот.

Владимир Гаврилович склонился и начал пристально разглядывать доски под ногами. Помощник последовал его примеру, отойдя в противоположный угол. Двигаясь параллельными курсами, сошлись у того края помоста, что упирался в деревянную береговую подпорку. Филиппов присел на корточки, достал платок и потер одно из темных пятен на посеревшей от времени и близости к воде древесине. Белая ткань испачкалась чем-то темно-бурым. Сыщик поднес руку к носу и почувствовал знакомый железный запах — на платке была кровь.

— Павел Евгеньевич! — задрал голову, крикнул Владимир Гаврилович. — Будьте любезны, спуститесь к нам со своим чемоданчиком!

Пока Кушнир семенил к ним по лестнице, часто перебирая короткими ножками, Константин Павлович внимательно разглядывал деревянную стену.

— Царапины, Владимир Гаврилович, — указал он на длинные борозды, вычерченные на серых бревнах. — Похоже, от ножа. И тоже кровь.

Филиппов кивнул, обернулся к тяжело дышащему доктору:

— Павел Евгеньевич, мы тут с Константином Павловичем подозреваем, что именно здесь

нашу новую знакомую и умертвили. Вы поскребите доски, соберите образцы крови — вот тут, на стенке, тоже. Необходимо подтвердить нашу догадку. А вы, Константин Павлович, пригоните сюда фотографа, пусть он потщательнее эту наскальную живопись отснимет. И карточку вот отсюда, — он постучал согнутым пальцем по раскрытому «желтому» билету, — пусть переснимет, увеличит и отпечатает нам штук двадцать. Хорошо, голубчик? А я пока пройдуся до Рождественской части, навещу Аркадия Дмитриевича.

* * *

— Дорогому гостю мое почтение! — Голос Аркадия Дмитриевича Иноверцева, «хозяина» Рождественской полицейской части, гремел радушно, рукопожатие было долгим и крепким, но в прищуренных глазах читался вопрос: «На кой черт вас, Владимир Гаврилович, в мою отчину принесло?»

С трудом высвободив правую руку из могучей длани Иноверцева, Филиппов уселся в кресло для посетителей, достал из кармана еще влажную бледно-желтую книжечку.

— Аркадий Дмитриевич, взгляните, из ваших особа? — Он протянул собеседнику заменительный билет, раскрытый на странице с фотографией. Тот взял документ двумя пальцами, развернул к свету и прищурился еще сильнее.

— Блюментрост, — пробормотал он, вчитываясь в слегка размытые буквы. — Наша. Из новеньких. Из Новгорода пожаловала в начале года,

очень хорошо ее помню. Примерного поведения, хм, ну если можно так выразиться, учитывая, так сказать, специфику ремесла. Это ее выловили из речки нынче?

— Ее. — Филиппов закурил, разогнал ладонью дым и сочувственно покачал головой. — Что же это делается-то? В пяти минутах от полицейского участка так не по-христиански умерщвляют барышню, хоть бы и сомнительного образа жизни? Ах, да вы же подробностей еще не знаете. — Иноверцев развел руками и для убедительности еще покачал головой. — Дюжина ножевых ран. Чуть не освежевал какой-то изверг бедняжку. И все прямо под боком у полиции.

И без того сощуренные веки Аркадия Дмитриевича почти сомкнулись:

— Так ведь сами видели, Владимир Гаврилович, у нас же тут одни стены да заборы, не чета вашим местам. С одной стороны лавра огородилась, чисто кремль. С другой — склады. Я вовсе ума не приложу, как туда, — он подсмотрел в билет, — Анну Михайловну занесло. Обычно-то барышни наши вокруг Знаменской площади¹ промышляют, там многие и комнатки свои имеют, да и не шибко дорогих гостиниц хватает, которые по часам номера сдают. Не иначе как клиент попался не сильно денежный, не пожелал по летнему времени за номер доплачивать.

— Понятно. — Филиппов затушил папиросу и поднялся с места. Встал и Иноверцев. — Мы

---

¹ Ныне площадь Восстания.

вот как поступим, Аркадий Дмитриевич: я к вам в огород лезть не стану, не переживайте. Но живоде́ра этого нам сыскать нужно предельно споро. Так что вы остальных барышень, которые у вас на учете состоят, опросите крайне внимательно и пристрастно: с кем их товарка вчера вечером уходила, когда ее и кто в последний раз видел, где, одну ли? Были ли постоянные поклонники? Не было ли среди них господ с садистическими склонностями? Ну да не мне вас учить, не первый год службу справляете. И о результатах безотлагательно меня извещайте. Договорились?

Прощальное рукопожатие было не в пример мягче, но пожалуй что искреннее.

Глава 2

СОН И ЯВЬ

Константин Павлович Маршал шел по пустынной набережной Невы мимо длинной, высокой стены из оштукатуренного камня. Поверх этой ограды, нависая тяжелым шатром над стелящейся вдоль нее дорожкой, перешептывались с рекой темные липовые ветки. Странно, он бывал здесь и раньше, но ему казалось, что забор вокруг Никольского кладбища был чугунный, а не каменный. В глубине огражденной территории как-то истерично заголосили церковные колокола Александро-Невской лавры. Константин Павлович хотел было перекреститься, но устыдился этого невольного желанья — человеком он себя считал

прогрессивным и к религии и ее служителям относился скептически.

Спрятав правую руку в карман, подальше от соблазна, он перебежал проезжую часть и остановился над рекой. С Невы пластался белый рассветный туман, и поверх молочной воды тихий женский голос разливал какую-то слезливую песню о нелегкой девичьей судьбе:

Мне, молодой, тошным-тошенько,
грудь-сердечушко болит,
Грудь-сердечушко болит, бело личико горит.
Про меня, красну девицу, худа славушка прошла,
Будто я, красна девица, полюбовничка нашла.

Невидимая певица выводила куплет за куплетом, жалуясь на горькую долю деревенской девушки, обманутой заезжим городским волокитой. Константин Павлович достал папиросы, чиркнул о коробок, затянулся, проводил глазами улетающую в Неву спичку, скользнул взором по мелким речным волнам. Взгляд его споткнулся о какую-то цветную грудку тряпья, бившуюся о дощатый причал. Между лопаток пробежали мурашки от нехорошего предчувствия. Маршал нахмурился, сделал еще одну затяжку и медленным, осторожным шагом двинулся в сторону этого непонятного объекта. Песня приближалась — похоже, певунья сидела у самой реки. Спустившись по скрипящим ступенькам, он ступил на покачивающийся и пружинящий под его шагами понтон, подошел к самой кромке воды и заглянул за край настила. Оттуда, обрамленное колышущимися в неспо-